

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

С. К. Цатурова

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

«ВОССТАНИЕ ЭТЬЕНА МАРСЕЛЯ»: КТО ВЫИГРАЛ И КТО ПРОИГРАЛ?

Политический кризис во Франции 1356–1358 гг., именуемый в историографии «восстанием Этьена Марселя», изучен досконально; все источники опубликованы, новые вряд ли появятся. Оценки событий менялись на протяжении веков в контексте смены методологических и идеологических тенденций. Обновление политической истории позволяет по-новому взглянуть на этот традиционный сюжет. В статье предпринята попытка понять суть происходивших событий и оценить их последствия. Разразившийся во Франции политический кризис был отражением формирования политического общества и активности сословий. Общий фон недовольства рыцарством и амбиции усилившегося городского сословия определили вектор требований к власти депутатов Генеральных штатов. В выработке программ реформ большую роль сыграли дворяне, формирующаяся бюрократия и университетские магистры. В результате выхода из кризиса каждая социальная группа добилась своих целей, хотя и в несколько измененном виде. Члены королевской фамилии благодаря новой системе апажей получили более высокий статус и властные полномочия, превратившись в сплоченную команду монарха. Наследственный принцип престолонаследия был оформлен в указе от 1374 г. В королевской администрации был введен конкурсный отбор на все должности, что заложило основы неменяемости чиновников и меритократии. Университетские интеллектуалы заняли место у трона монарха, соперничая с юристами, и продолжали отстаивать важность диалога власти и общества. Горожане во главе с парижанами и крестьяне добились признания своего значения в жизни страны. Только институт Генеральных штатов оказался надолго дискредитирован. Власть и впредь советовалась с обществом, но в иных формах. Ключевые слова: Восстание Этьена Марселя 1356–1358, Генеральные штаты, Париж, городское сословие, Жакерия, власть и общество

Цитирование: Цатурова С. К. «Восстание Этьена Марселя»: кто выиграл и кто проиграл? <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-7-34> // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 7-34.

Поступила в редакцию: 05.03.2024

Принята к печати: 11.06.2024

Susanna K. Tsaturova

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences, Moscow

THE REVOLT OF ETIENNE MARCEL: WHO WON AND WHO LOST?

The political crisis in France in 1356–1358, referred in historiography as the “Etienne Marcel revolt”, has been thoroughly studied; all sources have been published, new ones are unlikely to appear. Estimations of these events have changed over the centuries, in the context of current methodological and ideological trends. Renewal of the political history allows us to take a new look at this traditional subject. The article attempts to understand the essence of the events that took place, and their consequences. The political crisis that broke out in France was a repercussion of the formation of a political society, and the activity of the estates. The general background of discontent with chivalry, and the ambitions of the strengthened urban estate determined the vector of demands on the power of deputies of the General Estates. Nobles, the emerging bureaucracy, and university masters played an important role in the development of reform programs. As a result, of overcoming the crisis, each social group has achieved its goals, albeit in a slightly modified form. Thanks to the new system of apanages, the members of the royal family received a higher status and authority, turning into a cohesive team of the monarch. The hereditary principle of succession to the throne was formalized in a decree of 1374. The competitive selection for all positions was established in the royal administration, which laid the foundations for the irremovability of officials, and meritocracy. University intellectuals gained a place at the throne of the monarch, competing with lawyers, and continued to defend the importance of dialogue between government and society. The townspeople, led by Parisians, and peasants, have achieved recognition of their importance in the life of the country. Only the institute of the General Estates was discredited for a long time. The government still consulted with society, but in other forms.

Keywords: The Revolt of Etienne Marcel 1356-1358, Estates General, Paris, urban estate, Jacquerie, power and society

Citation: Tsaturova, S., (2024). «Vosstanie Èt'ena Marselia»: kto vyigral i kto proigral? [The Revolt of Etienne Marcel: Who won and who lost?]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-7-34>. *Annual of French Studies*, 2024, vol. 57, p. 7-34.

События, сотрясавшие Французское королевство в 1356–1358 гг., были настолько многоплановыми, сложными и масштабными, что их трудно определить однозначно. Что это было? Мятеж, бунт, восстание или революция? Кто были зачинщики и участники? Какие цели ставились? Наконец, каковы были итоги и последствия? Кто победил и кто был побежден? Сами события изучены досконально, буквально по дням, начиная с катастрофического поражения французской армии в битве при Пуатье 19 сентября 1356 г., когда значительная часть рыцарства была уничтожена или попала в плен, в том числе король Франции Иоанн II Добрый, а юный дофин Карл с сомнительными полномочиями собрал Генеральные штаты для получения денег на продолжение войны и выкуп отца из плена, и вплоть до 31 июля 1358 г., когда купеческий прево столицы Этьен Марсель был убит своими же сторонниками, а ворота Парижа были открыты войскам регента Карла. Но историки по-прежнему задаются вопросами о причинах, целях и итогах этих событий. И даже личность Этьена Марселя остается загадочной, непроницаемой и не до конца понятной.

Историография этих событий огромна, и чем больше появляется исследований, тем более объемной предстает картина и всё более неоднозначными результаты. Историки при Старом порядке единодушно рассматривали фигуру Этьена Марселя как «предателя», а возглавляемые им акции как бунт против законной власти¹. Кардинальный пересмотр этой однозначно негативной оценки произошел в либеральной историографии XIX в., которая усмотрела в действиях Этьена Марселя и его сторонников первый и ре-

¹ В письме о помиловании Жана Марселя, брата главы восстания, так описаны совершенные в ходе восстания преступления: «conspirations, monopoles, traysons, rebellions, confederations armées, invasions, aliance entre euls et avec les ennemis du royaume, commocions de peuple et autres deliz et excès contre nostre dit seigneur, nous et la magesté royal, les drois et honneurs d'icelle, et contre plusieurs noz vrais et loyauls subgiez, tant nobles que autres, en commettant force publique, traïsons et crime de lese magesté» (*Luce S. Pièces inédits relatives à Étienne Marcel et à quelques-uns de ses principaux adhérents // Bibliothèque de l'école des chartes. 1860. T. 21. P. 81*).

шительный бой «буржуазии против абсолютистской монархии». В событиях 1356–1358 гг. видели предвестников Французской революции 1789 г., а Этьен Марсель представлялся предтечей Дантона и Робеспьера, «мучеником идеи» и «апостолом политического либерализма». В период Третьей республики, 14 июля 1888 г. был открыт памятник Этьену Марселю рядом со зданием парижской мэрии, и с тех пор Марсель остается «самым знаменитым парижанином» и символом грозной силы Парижа². Благодаря трудам Франсуа Гизо, Огюстена Тьерри и Жюля Мишле этот образ «предводителя третьего сословия», давшего первый бой за политическую свободу, прочно закрепился в исторической памяти, и вся последующая историография, вольно или невольно, соотносилась с этим мифом.

Задавшись целью понять, кто выиграл и кто проиграл в результате событий 1356–1358 гг., необходимо уяснить – а что, собственно, это было? Для ответа на этот вопрос стоит кратко обозначить эволюцию трактовок в историографии, оставив в стороне политические пристрастия историков, которые, разумеется, отражались и на их оценках этих событий.

Согласно романтической и либеральной традиции, целью восстания было установление во Франции ограниченной конституционной монархии, контролируемой депутатами от трех сословий королевства. Квинтэссенцией этого подхода служат слова Ж. Мишле о Великом мартовском ордонансе 1357 г.: «одним ударом он менял правление, ставил правительство под контроль Штатов, заменял монархию республикой, передавал власть народу, которого в тот момент еще не было»³. Такая трактовка подразумевала «закономерную» неудачу всего «предприятия». Тем не менее, согласно данной концепции, это была, пусть и преждевременная, но буржуазная революция, во главе которой стояли парижские бюргеры.

В этой классической трактовке сути восстания Этьена Марселя, заложенной либеральной историографией, присутствуют два важнейших и не связанных между собой компонента, хотя вряд ли ее авторы осознавали этот факт: установление контролируемой и ограниченной Штатами монархии, с одной стороны, и бюр-

² Краткие экскурсы в историографию событий 1356–1358 гг. см.: *Autrard Fr.* Charles V. P., 1994. P. 221-222; *Le Paris du Moyen âge / Sous la dir. B.Bove, Cl. Gauvard.* P., 2018. P. 131–132.

³ *Michelet J.* Œuvres complètes. P., 1862. Т. 3. P. 304. Эту точку зрения, при всех нюансах, разделяли и А. Ковиль, и Ж. Пико, и даже Ф. Лот.

герский, анти-дворянский по социальной направленности бунт, с другой. Целью «преждевременной буржуазной революции» считалось, согласно этой концепции, перенесение на общегосударственное управление тех методов и форм администрирования, которые были выработаны и успешно применялись в городах⁴. Это касалось, прежде всего, раскладки и сбора налогов, поскольку, по мнению депутатов третьего сословия, в королевской администрации их собирали и тратили неправильно, что стало едва ли не главной претензией к верховной власти. Следовательно, именно третье сословие являлось главной движущей силой движения за реформы, а дворяне, в лучшем случае, отходили на второй план, если не превращались в «козлов отпущения», особенно из-за явной неспособности исполнить свой долг – защитить страну от внешних врагов. Однако дворяне наряду с духовенством входили в состав депутатов Штатов, и повышение роли представительных собраний повлекло бы усиление и их власти.

С середины XX в. чисто «бюргерская» трактовка подверглась серьезной ревизии. Уже Э. Перруа в книге 1945 г. называл предлагавшиеся Штатами меры «карикатурой на конституционную реформу»⁵. Несокрушимый удар по «бюргерской» концепции движения за реформы 1356–1358 гг. нанесли труды Р. Казеля. Коротко говоря, ему удалось доказать, что главной движущей силой оппозиции политике королевской власти и лично Иоанна II Доброго являлись знать и дворяне. Да иначе и быть не могло при монархическом правлении, опирающемся на нобилитет. Дворяне являлись естественной опорой королевской власти, а их недовольство сыграло существенную роль в выработанных Штатами 1356–1358 гг. проектах реформ⁶. Исключительно «бюргерскую» трактовку выдвигаемых требований существенно корректирует и громко прозвучавшая в ходе восстания критика в адрес королевской администрации и близкого окружения короля, где знать – естественных советников монарха – теснили выходцы из небогатых сословий. Это засилье на вершинах власти выскочек из ротюрье, причем не самого вы-

⁴ Вслед за О. Терри так считал и Ж. Пико, крупнейший специалист по истории сословно-представительных учреждений во Франции. См.: *Тьерри О.* История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899. С. 76; *Picot G.* Histoire des États Généraux considérés au point de vue de leur influence sur le gouvernement de la France de 1355 à 1614. 4 vols. T. 1. P., 1872. P. 43.

⁵ *Перруа Э.* Столетняя война / Пер. с франц. М. Ю. Некрасова. СПб., 2002. С. 152.

⁶ *Cazelles R.* Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. Genève–Paris, 1982; *Idem.* Étienne Marcel: champion de l'unité française. P., 1984.

сокого интеллектуального и человеческого уровня, особенно чувствительно задевала именно дворян, о чем писали историки уже в XIX в.⁷ Именно дворяне требовали улучшения в сфере администрации, а конечная неудача проекта реформ во многом связывалась, в таком ракурсе, с отходом дворян от партии реформаторов после убийства 22 февраля 1358 г. Этьеном Марселем и его подручными двух маршалов – Нормандии (Робера де Клермон) и Шампани (Жана де Конфлан), активных сторонников программы реформ.

Наконец, еще один поворот в изучении событий 1356–1358 гг. внесли труды тех историков, кто обратил пристальное внимание на роль Парижского университета в выработке программы реформ в ходе восстания Этьена Марселя. Начатое трудами Ш. Журдана в конце XIX в., это направление в осмыслении политического кризиса во Франции середины XIV в. было продолжено в исследованиях Ж. Кринена, а первым в нашей историографии об идеологической роли Парижского университета начал писать П. Ю. Уваров⁸. Но участие Университета в восстании было, на деле, намного масштабнее: магистры и прелаты с университетскими дипломами вошли в состав комиссии из 80-ти депутатов Штатов в октябре 1356 г., выработавшей программу реформ; они же фигурировали среди «генеральных реформаторов», назначенных Штатами в марте 1357 г.; Университет посылал переговорщиков к регенту Карлу и на Штаты Шампани в 1358 г., когда противостояние власти с Парижем вступило в военную фазу. Всё это, как и множество иных деталей позволяет причислить университетских интеллектуалов к участникам восстания Этьена Марселя⁹. Обращение историков к роли Университета повлекло интерес к участию в событиях 1356–1358 гг. французского духовенства, будь то депутаты от клира на собраниях Штатов, иерархи Церкви, вставшие на сторону реформаторов (например, епископ Парижский), или примкнувшие к вооруженным отрядам парижан и Жаков сельские священники и монахи.

⁷ Valois N. Le gouvernement représentatif en France au XVe siècle. Étude sur le Conseil du roi pendant la captivité de Jean le Bon // *Revue des questions historiques*. 1885. Т. 36. Р. 63–115.

⁸ Jourdain Ch. L'Université de Paris au temps d'Étienne Marcel // *Revue des questions historiques*. 1878. Т. 24. Р. 548–566; Krynen J. L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe–XVe siècles. Р., 1993; Уваров П. Ю. Парижский университет и городские восстания (к вопросу об идеологических функциях средневековых университетов) // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: Межвузовский сборник научных статей / Под ред. Г. А. Кошеленко. М., 1986. С. 62–86.

⁹ Подробнее об этом см.: Цатурова С. К. Парижский университет в восстании Этьена Марселя (не только идеологические функции средневековых университетов) // *Universitas historiae*. Сб. ст. в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 285–292.

Не будем подробно вдаваться в иные спорные вопросы. Например, считать ли началом революции ту твердую оппозицию депутатов проводившейся короной политике, которая обозначилась на первом же заседании 17 октября 1356 г. созванных в Париже Генеральных штатов? Или его знаменовало провозглашение в 1357 г. Великого мартовского ордонанса, устанавливавшего контроль депутатов Штатов над политикой короны? Или же им было лишь начавшееся 22 февраля 1358 г. вооруженное противостояние парижан, когда в королевских покоях Дворца в Сите на глазах дрожащего от страха дофина Карла были убиты маршалы Шампани и Нормандии, а затем последовали бегство Карла из Парижа, блокада столицы и открытые боевые действия обеих сторон на фоне вспыхнувшей Жакерии? Есть и более экзотические версии – считать революцией только события 31 июля 1358 г., когда сами же парижане убили Этьена Марселя и ряд его сторонников, и тем самым «добровольно» вернулись к подчинению законному сеньору¹⁰. Показательно, что в знаменитой серии «Тридцать дней, создавших Францию» книга о восстании Этьена Марселя, изданная к его 600-летию юбилею, таким исторически значимым днем называет 31 июля 1358 г.¹¹

Однако если считать главным в этом политическом кризисе не вооруженное противостояние, а широкое социальное недовольство и стремление осуществить реформы, то начинать следовало бы не с осени 1356 г., а раньше, с зимы 1355 – весны 1356 гг., когда на собраниях Штатов (в декабре, марте и мае) были высказаны основные претензии к власти и выработана программа реформ (передача сбора налога в руки депутатов Штатов, чеканка полновесной монеты, отстранение нерадивых или коррумпированных чиновников), которые король Иоанн Добрый обещал, но легкомысленно не стал исполнять¹². Кстати, здесь от имени третьего сословия выступал Этьен Марсель, недавно избранный купеческим прево Парижа, и это было его первое появление на политической сцене Франции.

¹⁰ См. в частности: *Lacabane L. Mémoires sur la mort d'Étienne Marcel // Bibliothèque de l'école des chartes. 1840. Т. 1. P. 79–98; Luce S. Du rôle politique de Jean Maillart en 1358 // Ibid. 1867. Т. 18. P. 415–426.*

¹¹ *Avout J. d'. 31 juillet 1358. Le Meurtre d'Étienne Marcel. P., 1960 (Trente journées qui ont fait la France).*

¹² *Ordonnances des rois de France de la troisième race. P., 1723–1849. 22 vols. Т. III. P. 19–37 (далее – ORF). Ж. Пико считал эти три собрания 1355–1356 гг. первым проявлением силы Штатов и грозным предвестником будущего кризиса, поскольку впервые на них обозначилось стремление депутатов «заменить произвол и слабость короля зарождающейся властью нации» (Picot G. Op. cit. P. 42).*

По итогам новейших исследований восстание Этьена Марселя из яркой картины «первой буржуазной революции во Франции» превратилось в аморфное и хаотичное нагромождение тенденций, планов и страстей множества заинтересованных людей самого разного социального статуса. При этом, несмотря на появление разнообразных трактовок, опровергающих упрощенное восприятие этого политического кризиса, а также на предпочтение у историков называть это «восстанием», но и слово «революция» применительно к событиям 1356–1358 гг. никуда не исчезло. Так, в классическом труде М. Молла и Ф. Вольфа о народных движениях в Европе XIV–XV вв. восстание Этьена Марселя также причисляется к революциям¹³. Показательно, что и в коллективном труде, приуроченном к 200-летию Французской революции 1789 г., нашлось место для «парижской революции 1356–1358 гг.»¹⁴

В настоящий момент не только все перипетии этих событий досконально известны историкам, но и все источники изучены, а новые уже вряд ли появятся. Однако «возвращение политической истории» в конце XX – начале XXI вв., обогащенной новаторскими методами исследований, раскрыло новые перспективы и позволило обнаружить неожиданные аспекты в, казалось бы, исчерпывающе изученных темах.

Новые грани смысла восстанию Этьена Марселя может придать принципиально иной подход к политическому кризису. По своей сути такого рода кризис не всегда есть зло, напротив, он может нести и благо¹⁵. В русле «новой политической истории» он предстает как отражение складывания и способ развития политического общества (или политического класса, в терминологии современных политологов). А оформление политического общества, в свою очередь, является неременной опорой формирующегося с конца XIII в. на Западе нового типа монархического госу-

¹³ Mollat M., Wolff Ph. *Ongles bleus*, Jacques et Ciompi. Les révolutions populaires en Europe aux XIVe et XVe siècles. P., 1970. P. 116–131.

¹⁴ Krynen J. *Entre la réforme et révolution: Paris, 1356–1358 // Les Révolutions françaises. Les phénomènes révolutionnaires en France du Moyen âge à nos jours / Sous la dir. de Fr. Bluche et St. Rials*. P., 1989. P. 87–111.

¹⁵ В этом контексте любопытны размышления Ж.-Ф. Жене о книге Ж. Ле Гоффа «Людовик IX»: он сетует на недостаточное сравнение у автора Франции с аналогичными процессами в Англии и замечает, что отставание Франции от Англии в XIII в. выражалось, среди прочего, в излишне мирном течении политической жизни, в то время как в Англии политический кризис демонстрировал модернизацию политического общества, где правящие классы добились признания своего участия во властных институтах. См. подробнее: Genet J.-Ph. *Saint-Louis: le roi politique // Médiévales*. 1998. № 34. P. 25–34.

дарства – *État moderne*. Для процесса модернизации государства и сферы управления было жизненно необходимо наличие активных политических сил, способных участвовать во властных институтах и навязать свою волю монарху.

Следовательно, бурные события 1356–1358 гг. отражали оформление во Франции политического общества, куда в той или иной форме вошли активные силы из всех социальных групп, от титулованной знати до жителей сельских коммун¹⁶. С этой точки зрения, вопрос, кто был главнее в ходе восстания Этьена Марселя – горожане, дворяне или университетские магистры, выглядит праздным и даже лишённым смысла. Сегодня ясно, что деятельные представители всех социальных групп принимали в этом участие и все, каждый на своем уровне, добились результатов, хотя не сразу и часто в неожиданной форме.

Для восстания Этьена Марселя решающим фактором послужило общее недовольство всех сословий состоянием дел в стране. Именно этот фон придавал политическому кризису 1356–1358 гг. глубину и всеохватность. Горожане и крестьяне – основные налогоплательщики – были недовольны тем, как и в каком размере налоги собирались и насколько разумно тратились деньги. Кроме того, они были крайне раздражены против дворян и рыцарства, с которых не взимали налогов, поскольку они должны были «платить кровью», защищая страну от внешних угроз. Однако они не только не исполнили своего долга, позорно проиграв все битвы начала Столетней войны, но и вели себя в стране хуже захватчиков, грабя и притесняя жителей городов и «равнины» (*plat pays*), как традиционно именовались деревни из-за отсутствия у них защитных стен. Самой яркой картиной этого недовольства в отношении рыцарства является стихотворная поэма «Жалоба о битве при Пуатье», где дворяне напрямую обвиняются в предательстве, в сговоре с англичанами и добровольной сдаче в плен в перспективе уплаты за них выкупа¹⁷. Главное, что вызывало недовольство, прежде всего, горожан – это небрежение властей, вернее, кричащее несоответствие между тем вкладом (денежным, в том числе), которым они поддерживали власти, и ролью,

¹⁶ Н. А. Хачатурян заострила внимание на важности процесса оформления сословий на общегосударственном уровне и росте их политической активности как знаковым признаке формирования нового типа государства во Франции XIII–XV вв. См.: Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989. С. 28–43.

¹⁷ Автор поэмы сетует, что король не догадался позвать в свою армию «Жака Простака» (*Jaque Bonhome*), с которым бы точно выиграл битву. См.: *Complainte sur la bataille de Poitiers* / Éd. Ch. de Beaurepaire // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1851. Т. 2. P. 257–263.

которую эти власти отводили им в принятии политических решений. Рупором этих социальных групп и стал Этьен Марсель.

Знать и дворяне были крайне раздражены засильем выходцев из неблагородных сословий в ближнем окружении короля Иоанна II Доброго, видя в этом ущемление своего природного статуса главных советников монарха. Фавор всегда расценивался в обществе, как незаконное возвышение и признак коррупции, тем более что сами эти фавориты из ближнего круга короля не отличались ни честностью, ни заботой об общем благе. На определенном этапе выразителем этого недовольства знати стал Карл Злой король Наваррский. Внутри чиновного корпуса тоже кипело раздражение незаконным возвышением недостойных людей, самым яростным критиком которого стал Робер Ле Кок – потомок чиновника, сделавший блестящую карьеру: королевский адвокат в Парламенте, мэтр Палаты прошений Дома короля, епископ Ланский, пэр Франции и член Королевского совета. Навязанное дофину Карлу решение сместить с должностей навсегда и без права восстановления 22-х самых высокопоставленных служителей короны Франции, среди них канцлера Франции Пьера де Ла Форе, главу Парижского парламента Симона де Бюси, казначеев, мэтров счетов, глав монетного ведомства, служителей двора и т.д., – свидетельствовало, в том числе, о назревшей необходимости защитить складывающийся бюрократический корпус от угрозы превратиться в «козлов отпущения» за все промахи власти. Решительную готовность интеллектуалов принять участие в осуществлении реформ демонстрировали депутаты Штатов с университетскими дипломами, самым ярким из которых был Робер де Корби, мэтр теологии и депутат от Амьена¹⁸.

Все эти активные политические силы воспользовались внезапно образовавшимся вакуумом власти – пленением короля Иоанна Доброго при Пуатье, чтобы решить назревшие вопросы реформирования институтов и методов управления страной. Важно подчеркнуть, что «ветер реформ» дул не только на Севере, на Штатах Лангедойля, но и на Юге страны, поскольку Штаты Лангедока,

¹⁸ Р. Казель считал духовенство и дворянство главными проводниками идей реформ в управлении; важно, что выступая против фаворитизма, коррупции и воровства в администрации, они предлагали реформировать ее, привлекая образованных людей с университетскими дипломами. См.: Cazelles R. Les mouvements révolutionnaires du milieu du XIVe siècle et le cycle de l'action politique // *Revue historique*. 1962. Т. 228. № 86. Р. 279–312 (особенно Р. 307–309).

пусть и в более мягкой форме, высказали аналогичные претензии к власти. И надо признать, что Штатам удалось очень многое, если не почти всё, что намечалось реформаторами, хотя и не совсем так, как они того хотели. Немаловажным фактором в осуществлении, в основном, в правление короля Карла V Мудрого, назревших реформ стало то, что он сам, еще в бытность наследником престола, также разделял общее недовольство правлением отца. Из-за этого у отца с сыном были весьма натянутые, если не сказать враждебные отношения, о которых прекрасно знали за пределами коридоров власти¹⁹.

Часть требований начал исполнять уже король Иоанн II Добрый, начав с монетной реформы. Первыми столкнувшись с инфляцией на рубеже XIII–XIV вв., французские короли стали прибегать для пополнения казны к девальвации денег (путем изменения курса, либо веса или качества металла монет), чтобы не просить постоянно денег у депутатов Штатов, которые весьма неохотно раскошеливались. Девальвация денег превратилась в бедствие для экономики и общества: при Филиппе VI Валуа серебряная марка менялась в цене 35 раз, а при Иоанне II Добром всего за 14 лет – 78 раз²⁰. Прекратить регулярную девальвацию денег было одним из главных требований общества, особенно депутатов Штатов, усматривавших в вотировании налогов свой основной рычаг давления на власть.

Об общественном значении этого вопроса ярко свидетельствует трактат Никола Орема, выдающегося философа, доктора теологии, ставшего во главе престижного Наваррского коллежа 4 октября 1356 г. К высокому авторитету Орема как ученого и университетского преподавателя добавилась и активная политическая позиция. В трактате «О монете», написанном в конце 1355 г., явно в унисон с общественным недовольством, высказанном на Штатах в декабре, Орем обосновал, что твердая монета есть общее достояние, а смена курса денег суть тирания, которая грозит монарху потерей трона²¹.

¹⁹ Об этом свидетельствует загадочная и темная история с неким заговором дофина Карла против отца и в союзе с Карлом Злым королем Наваррским, предполагавшем даже бегство наследника к дяде по материнской линии, императору Карлу IV Люксембургу, в конце 1355 г. (См. подробнее: *Цатурова С. К.* Тень императора: роль Карла IV Люксембурга в судьбе короля Франции Карла V Мудрого (факты, контексты, интерпретации) // Средние века. Вып. 82 (4). М., 2021. С. 66–85).

²⁰ О масштабах колебаний веса, курса и пробы металла монеты во Франции в 1295–1360 гг. см. подробнее.: *Bove B.* 1328–1453: le temps de la Guerre de Cent Ans. P., 2020. P. 109.

²¹ *Oresme, Nicole.* Traictié de la premiere invention des monnois / Éd. M.L. Wolowski. P., 1864.

И это предупреждение было услышано властью: в большом ордонансе от 5 декабря 1360 г., Иоанн II Добрый, ненадолго вернувшийся из плена во Францию, не просто положил конец порочной практике девальвации денег, но и учредил новую золотую монету – франк. Так впервые со времен Людовика IX Святого во Франции появилась своя золотая монета, причем она была эквивалентна счетной монете: золотой франк был равен 20 турецким су или 1 ливру. Подлинной находкой стало название новой монеты – франк, отсылающее к этногенетическому мифу о природной свободе племени франков²².

Второй важнейший пункт требований Штатов – передать раскладку и сбор налогов в руки избранных из числа депутатов людей, пользующихся доверием, – нашел весьма причудливое исполнение. Согласно ордонансу от 28 декабря 1355 г., эти избранные из числа депутатов лица, которые должны были на местах заниматься раскладкой налогов, именовались, соответственно, «выборные» (*élus*); над ними Штатами ставились девять суперинтендантов (по три от каждого «сословия»), чьи действия должны были проверять два выбранных генеральных сборщика. Важно, что именно такая схема – раскладка и сбор налогов выборными людьми из числа горожан, прежде всего, от цехов, – регулярно применялась в городах. И с этой точки зрения, правы те историки, кто подчеркивают стремление участников движения за реформы перенести на королевскую администрацию чисто городские методы управления. При Карле V Мудром раскладчики налогов вошли в состав налогового ведомства и тем самым перешли под власть короля, став назначаемыми королевскими чиновниками²³. Однако они сохранили свое наименование – *élus* – как знак того, что власть «исполнила» волю Штатов.

Важнейшей реформой, осуществленной в правление Карла V Мудрого под давлением общественного недовольства, стало внедрение конкурсного отбора и процедуры выборов чиновников, что частично предохраняло королевскую администрацию от обвинений в фаворитизме и некомпетентности, от превращения в «козлов отпущения» и стало основой формирования французской меритократии. Соучастие самих служителей ведомств в отборе наиболее пригодных и подходящих для службы людей, которое

²² « le Denier d'Or fin ... sera appelé Franc d'Or » (ORF. T. III. P. 438).

²³ Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 107–108.

имело давнюю традицию, получило институциональное оформление в процедуре голосования по кандидатурам соискателей всех должностей в королевской администрации – от прево на местах до канцлера Франции²⁴. Не менее важным для стабильности королевской администрации стало начало законодательного оформления принципа несменяемости чиновников: в указе от 28 мая 1359 г., возвращавшим смещенным в ходе восстания чиновникам их должности и доброе имя, фигурирует норма, согласно которой нельзя смещать слугителя, не выслушав его и не предоставив возможности оправдаться²⁵.

Бесспорно, выигравшей по итогам восстания Этьена Марселя можно считать знать и принцев крови: их статус и властные полномочия существенно укрепились благодаря реформам Карла V Мудрого. Король навел порядок внутри царствующей фамилии: он сумел наделить своих четырех братьев апанажами и широкими правами внутри них (управленческими, судебными, финансовыми, военными), однако более тесно привязал эти владения к трону. Новый статус апанажей братьев короля – Людовика герцога Анжуйского, Жана герцога Беррийского, Филиппа герцога Бургундского и Людовика герцога Бурбонского – позволил распространить методы управления, сложившиеся внутри королевской администрации, на весь домен, взяв в более плотную «сеть» подвластное население. При этом братьям короля поручались важные военные и административные миссии, что превратило королевскую семью в настоящую «команду», работающую на общее благо страны²⁶. Выглядящая как возврат к прежним временам «феодальной раздробленности», такая политика, на деле, способствовала укреплению центральной власти в слишком большой и весьма разнообразной стране, каковой была Франция, где издавна существовало множество «столиц» и центров власти, которые корона не могла упразднить без угрозы для себя.

Еще одним важным следствием нового статуса апанажей и, в целом, вовлечения во власть знати при Карле Мудром представляется укрепление наследственного принципа престолонаследия и предотвращение угрозы смены правящего дома Валуа. А такая угроза была вполне реальной: Филипп VI Валуа относительно не-

²⁴ Подробнее о сложной эволюции форм комплектования и процедурах конкурсного отбора, как и о стоящих за ними политических идеях и теориях см.: Там же. С. 243–279.

²⁵ «non appelez, non oys» (ORF. T. 3. P. 346).

²⁶ *Autrand Fr. Charles V le Sage*. P. 647–668.

давно был избран на престол знатью, однако новая династия не оправдывала надежд, а начавшаяся война с Англией сопровождалась катастрофическими поражениями. В такой ситуации у недовольной знати вполне могла возникнуть идея поменять правящего монарха²⁷. И такой претендент был – Карл Злой король Наваррский, принявший самое активное участие в событиях восстания Этьена Марселя. Хотя его права на трон основывались, как и у Эдуарда III короля Англии, на женской линии (от Жанны Наваррской, дочери короля Франции Людовика X Сварливого), но он имел широкую клиентелу в Нормандии и сторонников в других частях королевства, включая Париж. Сам принцип наследственной монархии еще не был окончательно установлен, и две самые авторитетные на Западе власти – папы Римского и императора – являлись выборными. К тому же Карл Наваррский был умелым демагогом, ярким оратором, популистом и шармером. При этом он был «французом», а идея «природного», то есть рожденного во Франции монарха уже завоевывала себе место в политических представлениях²⁸. Избежав этой угрозы, монархи Франции затем вели более осмотрительную политику в отношении знати, а король Карл V Мудрый утвердил принцип престолонаследия. Указ от 1374 г. устанавливал возраст совершеннолетия короля – ему должен идти четырнадцатый год (то есть должно быть от роду 13 лет и хотя бы один день). Сам указ не особо соблюдался, в частности, сын Карла V Мудрого был коронован в возрасте 12 лет. Главное в нем – окончательное установление наследственного принципа престолонаследия, что превратило этот указ в первый фундаментальный закон французского королевства²⁹.

К победителям по итогам восстания Этьена Марселя следует, по праву, отнести университетских интеллектуалов. По их советам и благодаря их панегирикам сложился образ Карла V как короля-мудреца. Впервые заявив собственные политические амби-

²⁷ В тексте «Обвинительного заключения в отношении Робера Ле Кока» прямо упоминаются такого рода планы: якобы Робер Ле Кок заявлял, что в отстранении канцлера нет ничего необыкновенного, ведь «прежде случалось, что три сословия королевства отстраняли короля Франции». Однако тут его сообщник наступил ему на ногу, чтобы он не выдавал их планов, и тот решил уточнить: это «папа Римский его отстранил по просьбе трех сословий» (*Acte d'accusation contre Robert le Coq, évêque de Laon / Publ. L. Douët-d'Arcq // Bibliothèque de l'école des chartes. 1840–1841. T. 2. P. 378*).

²⁸ *Krynén J. «Naturel». Essai sur l'argument de la nature dans la pensée politique française à la fin du Moyen Âge // Journal des savants. 1982. № 2. P. 169–190.*

²⁹ *Grévin B. La Première Loi du royaume. L'acte de fixation de la majorité des rois de France (1374). P., 2021.*

ции в ходе событий 1356–1358 гг., университетские интеллектуалы сумели занять соответствующее их знаниям и умениям место у трона монарха. Они вошли в избранный ближний круг («клуб», по выражению Ф. Отран) короля, одним из излюбленных развлечений которого стало слушать их ученые споры и даже самому в них участвовать. Более того, их знания были прямо поставлены на службу монархии: впервые по их советам король осуществил целую идеологическую программу с помощью заказа и оплаты переводов и написания трактатов для нужд власти. Рауль де Прель впервые переводит Библию и труды Августина на французский язык; Бернар Ги переводит Тита Ливия и Иосифа Флавия; Дени Фульша – «Поликратик» Иоанна Солсберийского; Жан Доден – Петрарку; Жан Голен пишет трактат «О коронации», в котором придает королевским инсигниям сакральный смысл; Эврар де Тремогон пишет «Сновидение садовника», где обосновывает суверенитет королевской власти по отношению к папству и империи. Вершиной этой идеологической программы явились переводы Никола Оремом трудов Аристотеля («Этики», ««Экономики», Политики»): это было не просто переложение на французский язык важнейших для политической мысли произведений; переводы сопровождались обширными комментариями, часто превосходящими по объему сами трактаты, и словарем терминов, которые он первым ввел в политическую культуру Франции. Здесь Орем высказался по всем актуальным проблемам политики и общества, заслужив от современников звание «величайшего философа со времен Аристотеля» (по выражению Филиппа де Мезьера)³⁰. Так с правления Карла V Мудрого допуск к политике стал требовать знаний и специального образования³¹.

Возвышение интеллектуалов существенно потеснило у трона и напугало прежних королевских фаворитов – легистов, юристов и правоведов. Между ними к концу правления Карла Мудрого даже разгорелся спор – кто важнее для власти: правовед или философ (*artien*). Интеллектуалы называли юристов «политическим идиота-

³⁰ Важно отметить, что это не было абстрактным знанием, напротив, многие реформы были осуществлены Карлом V Мудрым под влиянием этих трудов Стагирита, прежде всего, – внедрение выборов в администрации отмечено печатью идей Аристотеля. См.: *Krynen J. Aristotélisme et réforme de l'État en France au XIVe siècle // Das Publikum politischer Theorie im 14. Jahrhundert / Ed. J. Miethke. Oldenburg, 1992. P. 225–236.*

³¹ По этой теме написано множество трудов; для краткости сошлюсь на: *Austrand Fr. Op. cit. P. 713–742.* О переводах см., среди прочего: *Евдокимова Л. В. От смысла к форме. Перевод во Франции XIV века: опыт типологии. М., 2011.*

ми», те парировали важностью знаний в области права и практики. Спор длился долго, исход его остался открытым, но он важен сам по себе – как знамение новых времен, когда в политику были приглашены авторитетные в христианском мире круги университетских интеллектуалов. Важно отметить, что труды французских интеллектуалов продолжали дело реформаторов времен Этьена Марселя, отстаивая идею о ценности коллективных форм управления, требующих соучастия политического общества во власти³².

Восстание Этьена Марселя обнажило главный нерв политического противостояния в обществе – чреватый опасностями водораздел между знатными и незнатными, дворянами и недворянами³³. В истории и коллективной памяти оно закрепилось навсегда в имени «Жакерия». В этом внезапно вспыхнувшем, кровавом и загадочном бунте принимали участие не только крестьяне – жители «равнины», но и горожане, клирики, монахи и даже рыцари. По свидетельству «Больших французских хроник», написанных участником событий Пьером д'Оржемоном едва ли не под диктовку короля Карла Мудрого, в составе отрядов Жаков, хотя и преобладали «трудящиеся» (*gens de labour*), но были и богатые люди, и бюргеры, и другие³⁴. В документах эпохи спустя десятилетия (хрониках, письмах о помиловании и др.) оно неизменно называлось «бунтом недворян против дворян»³⁵. Ненависть к дворянам, не выполнившим своего долга защиты страны, была почти тотальной, выразившись в басне про подружившихся волка и собаку, которую упомянул Жан де Венетт. Прекращение боевых действий осенью 1356 г. спровоцировало грабежи и насилия со стороны воинов, оставшихся не у дел, что, по мнению многих исследователей, и привело к Жакерии. Разумеется, вызывает подозрения место и время восстания: оно вспыхнуло с точностью в момент начала блокады Парижа регентом Карлом в конце мая 1358 г. и буквально в ближайшей к столице округе, далеко не в самых бед-

³² Об этих спорах как последствии движения за реформы 1356–1358 гг. см.: *Krynem J. L'Empire du roi*. P. 110–124.

³³ С. Люс считал опасное размежевание «знати и народа» одним из самых характерных явлений французской истории того времени (*Luce S. Histoire de la Jacquerie*. P., 1894. P. 31).

³⁴ *Chronique des règnes de Jean II et de Charles V* / Éd. R. Delachenal. 4 vols. P., 1917–1920. T. I. P. 180.

³⁵ «Commotion des non-nobles contre les nobles». К. Говар, изучавшая письма о помилованиях, в том числе участников Жакерии, признает существование как бы двух миров – дворян и недворян – и их антагонизм, ярко проявившийся в этом восстании (*Gauvard Cl. «De grâce especial»*. Crime, État et société en France au Moyen Âge. P., 1991. 2 vols. T. I. P. 421–427).

ных районах страны. Обвинения в адрес Этьена Марселя, якобы взбаламутившего простолюдинов для прорыва блокады Парижа, первым высказал не Р. Казель и даже не С. Люс; так думали уже современники событий³⁶. Но куда отчетливее и чаще в документах того времени фигурирует «природная» боязнь простолюдинов перед лицом дворян и рыцарей, вынудившая их взяться за оружие в целях самозащиты.

Хотя Жакерия была быстро и жестоко подавлена, но последствия этих событий чувствовались во всей последующей политике короны Франции. Прежде всего, участники Жакерии с обеих сторон получили королевское прощение: 10 августа 1358 г., едва вступив в Париж, Карл издал указ о помиловании участников восстания «ради доброго мира и всеобщего единства»³⁷. Более того, король регулярно закрывал все дела, которые возбуждали местные власти против тех или иных лиц за совершенные во время Жакерии грабежи и насилия, требуя наложить «печать молчания» даже на генерального прокурора в Парламенте³⁸. В итоге, кроме тех, кто был убит в ходе Жакерии и ее подавления, больше никто не пострадал. И понятно почему власть проявила милосердие: надо было восстанавливать мир и экономику, заселять оставленные крестьянами поля. В этом смысле недворяне сумели добиться признания своей роли в жизни страны. Санкция власти с 1359 г. на вооружение крестьян и создание отрядов самообороны для отпора англичанам, символом которого стала легендарная фигура Большого Ферре, подтверждает политический успех простолюдинов³⁹.

С другой стороны, и дворяне уже никогда не забывали этих грозных событий, помня, что крестьяне могут и ответить, а король их не накажет. Жакерия упоминается во всех хрониках того

³⁶ Например, в «Хронике» Жана Ле Беля присутствует это обвинение в связи с тем, что бунт вспыхнул одновременно в разных местах, явно в интересах «секты» реформаторов, Робера Ле Кока, Карла Наваррского и купеческого прево Парижа Этьена Марселя (*Chronique de Jean le Bel / Éd. J. Viard et E. Déprez. 2 vols. P., 1905. T. 2. P. 258*). Прямое обвинение в адрес Этьена Марселя содержится и в «Нормандской хронике XIV в.» (*Chronique normande du XIVe siècle / Éd. A. et E. Molinier. P., 1882. P. 130*).

³⁷ В указе подчеркивалось, что прощение выдано «всем дворянам и недворянам, которые были повинны в этих преступлениях» (*Luce S. Histoire de la Jacquerie. P. 251–253*).

³⁸ Например, регент Карл в сентябре 1358 г. прекратил судебное преследование жителей деревень Бетанкур и Брос в Пертуа, начатое графом де Водемоном, местоблюстителем этой области от имени короля. Граф приговорил участников Жакерии к уплате 2 тысяч эю. Отменяя этот приговор, Карл ссылался на изданное им прощение всем участникам, которые также обязаны были простить друг друга. См.: *Ibid. P. 266–268*.

³⁹ См.: *Хачатурян Н. А. Указ. соч. С. 145–148*.

времени и недвусмысленно фиксирует тот шок, который должны были испытать рыцари и дворяне, впервые столкнувшись с таким ожесточением прежде покорных крестьян. В этой связи, стоит обратить внимание на описания Жакерии у Фруассара: под его пером события предстают серией жутких и кровавых расправ, с чудовищными деталями и подробностями насилий и убийств⁴⁰. Эти фрагменты кочевали из одной хроники в другую, без всякой критики. Однако Фруассар не был очевидцем событий Жакерии, а его описания «ужасов» послужили, скорее, интересам простолюдинов, напоминая дворянам, какова может быть их участь, если перегнуть палку, как они привыкли делать⁴¹.

Едва ли не главными бенефициарами событий 1356–1358 гг., без сомнения, стали горожане. Они впервые отчетливо заявили свои политические амбиции и доказали способность их защищать, в том числе и с помощью оружия. Именно представители городов, третьего сословия, играли первую скрипку на всех собраниях Штатов этого мятежного времени: достаточно напомнить, что на Штатах осенью 1356 г., с которых и началось восстание Этьена Марселя, из 800 депутатов 400 составляли представители третьего сословия⁴². И именно их требования – более справедливо собирать и более рачительно расходовать поступления от налогов – были самым эффективным способом добиться осуществления реформ в управлении, поскольку власти были кровно заинтересованы в деньгах, а давали их как раз города.

Тезис о том, что Этьен Марсель не имел поддержки вне столицы, явно тенденциозен и некорректен⁴³. Свидетель событий, Пьер д'Оржемон признавал, что «в то время мало было городов, посадов или иных в Лангедойле, кто не восстал бы против дворян, как из-за поддержки Парижа, где их ненавидели, так и из-за на-

⁴⁰ При этом восставшие якобы говорили, что «рыцари и экуюе позорят и предают страну» и будет благом их всех истребить; когда их спрашивали, зачем они так поступают с дворянами, те отвечали, что хотели таким манером уничтожить всех дворян в мире («destruire tous les gentils et nobles hommes dou monde») (*Froissart J. Œuvres (Chroniques) / publ. M. le baron Kervyn de Lettenhove. 25 vols. Osnabruck, 1967. Т. 6. P. 45–53*).

⁴¹ В противовес описаниям Фруассара, документы уверенно фиксируют только грабежи и поджоги замков, крепостей и дворянских усадеб; убийства имели место лишь как случайность (с точностью известно только о тридцати жертвах). См.: *Coville A. Les premiers Valois et les débuts de la Guerre de Cent Ans, 1328–1422. P., 1982. P. 151 / Histoire de la France au Moyen Âge / Sous la dir. D'E. Lavissee. Т. 5*.

⁴² *Journal des états réunis à Paris au mois d'octobre 1356 / Éd. R. Delachenal // Nouvelle revue historique du droit français et étrangers. 1900. P. 415–465 (P. 437)*.

⁴³ Такой тезис встречается, например, у А. Ковиля. См.: *Coville A. Op. cit. P. 146*.

родного волнения»⁴⁴. Наиболее активными в поддержке планов и действий Этьена Марселя были горожане Абвиля, Амьена, Санса, Лана, Кана, Руана, Арраса и др. В знак поддержки многие города носили сине-красные знаки Парижа.

В Абвиле в 1358 г. некий горожанин Жан де Ла Мар подбивал жителей на бунт и выступал за уравнивание в налогах богатых и бедных; то же самое проповедовал некто Пьер де Монфор в Кане, призывая не платить налогов⁴⁵. Амьен и Руан и вовсе были открытыми сторонниками короля Карла Наваррского, принимая его как долгожданного хозяина, а когда регент Карл хотел въехать в Амьен весной 1358 г., власти закрыли перед ним ворота, решив войти только без сопровождения⁴⁶. И тем не менее, Амьен получил прощение указом Карла от сентября 1358 г.⁴⁷ Поддержка горожан слишком была важна для власти, чтобы она позволила себе роскошь долго хранить обиду.

Особо отличился город Мо, поведение которого упоминалось позднее во всех актах о помиловании участников событий 1356–1358 гг. С трудом вырвавшись из рук Этьена Марселя, покинувший Париж регент Карл превратил крепость, находящуюся в городе Мо и называвшуюся Рынком, в свой опорный пункт. Более того, доверяя властям и жителям города, Карл перевез сюда свою жену, недавно родившую дочь и множество знатных и придворных дам, всего около трехсот человек с небольшой охраной из рыцарей. Парижане явно решили захватить жену Карла и таким образом шантажировать его, чтобы он вернулся в Париж. С этой целью отряд в триста вооруженных горожан под командованием парижского менялы и эшевена Пьера Жилия 9 июня 1358 г. прибыл в Мо. Мэр города Жан Сула не только не оказал им сопротивления, но открыл ворота, горожане накрыли для прибывших столы с едой и напитками, а затем примкнули к пришедшим и приняли участие в штурме крепости⁴⁸. Только чудо – в лице проезжавших

⁴⁴ Chronique des règnes de Jean II et de Charles V. P. 181

⁴⁵ Пьер де Монфор получил прощение указом регента Карла от 7 апреля 1359 г. (*Luce S. Histoire de la Jacquerie*. P. 291).

⁴⁶ В Амьене активно поддерживали Этьена Марселя, надев сине-красные шапки цветов Парижа; Карл Наваррский даже «записался в буржуа», находясь в Амьене; и Жаков там тоже всячески поддержали, послав им на помощь отряд в 100 человек. См.: *Froissart J. Œuvres*. Т. 6. P. 458–460; *Chronique normande du XIVe siècle*. P. 124–129.

⁴⁷ Текст указа о помиловании Амьена см.: *Perrens F.-T. Étienne Marcel et le gouvernement de la bourgeoisie au quatorzième siècle: 1356–1358*. P., 1860. P. 385–386.

⁴⁸ По свидетельству Жана де Венетт, горожане Мо ненавидели дворян за их притеснения: *cives Meldenses, qui nobiles propter eorum oppressiones odiebant* (*Chronique latine de*

случайно мимо рыцарей, возвращавшихся из крестового похода в Пруссию, во главе с Гастоном де Фуа, – спасло супругу регента и других знатных дам. В отместку мэр был повешен, город разграблен и предан огню, а позднее, получив помилование, был лишен коммуны⁴⁹. Самое большое число сохранившихся указов о помиловании за события 1358 г. относятся к участникам штурма Рынка в Мо, явно ввиду невероятной дерзости предприятия и особой опасности этого деяния для персоны правителя⁵⁰.

Но власть вынуждена была всех простить, что стало не только залогом восстановления общественного мира, но и симптомом повышения политической значимости городов и бюргерства, прочный союз с которым обеспечивал экономическими и социальными ресурсами формирующееся государство. И в дальнейшем корона всегда искала согласия с городами, поскольку они больше других были заинтересованы в стабильности и централизации, гарантировавших купцам и ремесленникам свободу торговли и предпринимательства.

Амбиции и самосознание французских бюргеров середины XIV в., ощутивших свою экономическую силу и политическую значимость, выразил Этьен Марсель в письме к регенту Карлу после его побега из столицы, повторив главный тезис позднее в письмах к эшевенам Ипра, которые он активно разослал по всей Франции. Хотя письмо к регенту было написано с целью вернуть его в Париж, оно выдержано в суровых и горделивых тонах. Лейтмотивом письма стали три основные идеи, которые затем будут развиваться идеологами королевского культа. Прежде всего, Марсель заявлял, что общественный мир опирается на контракт власти и сообщества, на исполнение обеими сторонами взятых на себя обязательств; а нарушение этих обязательств одной стороной освобождает и другую сторону от их соблюдения. Во-вторых, государь обязан выслушивать жалобы и претензии общества. Наконец, главное: горожане и бюргеры вовсе не чернь, не «подлые»;

Guillaume de Nangis de 1113 à 1300 avec les continuations de cette chronique de 1300 à 1368 / Nouv. éd. 2 vols. N.Y., L., 1965. 2 vols. T. 2. P. 266.

⁴⁹ Сошлюсь только на два источника, где описаны события в Мо: *Chronique des règnes de Jean II et de Charles V*. P. 182–184; *Froissart J. Œuvres*. Т. 6. P. 56–58; 464–465. Город горел 15 дней, убитых было более 6 тысяч.

⁵⁰ В этих указах участники атаки на Рынок в Мо оправдываются либо по причине того, что они лично ничего не сделали и никого не убили; либо ссылками на давления извне и страхом за свою жизнь, которые вынудили их принять участие в этом штурме. Среди адресатов помилований есть и бюргеры, и священство, и королевские служители, например, адвокат в Парламенте Жан Роз или сержант конной охраны столицы Жан Ле Ландр. См. письма о помиловании: *Luce S. Histoire de la Jacquerie*. P. 228–236.

напротив, подлыми являются те, кто подлости совершают. В письмах городам Фландрии Марсель писал о «незапамятной свободе французов», которую они готовы защищать, и ни за что не согласятся на рабство, в каковое их намерены ввергнуть дворяне⁵¹.

Эти идеи о взаимном контракте власти и общества и об особой свободе всех французов, вне зависимости от социального статуса, станут общим местом, топосом политических дискурсов XIV–XVI вв. как у адептов, так и у критиков власти.

В выигрыше по итогам оказался и Париж. В истории Парижа восстание Этьена Марселя стало переломным: впервые столица выступила как политический игрок со своим четкими требованиями и амбициями. Для происходивших в 1356–1358 гг. грандиозных событий Париж стал достойной и подходящей сценой. В первой половине XIV в. Париж достиг своего наивысшего расцвета: город-гигант с населением более 240 тысяч не имел себе равных на Западе. Парижские бюргеры обогащались, создавали клиентелы, становились поставщиками двора, входили в придворные и чиновные круги, используя удачные браки и получая дворянство. Прозцветание парижского бюргерства опиралось на прочный и взаимовыгодный союз с короной, однако к середине века элита города захотела большего – соучастия во власти и контроля над ней. И Парижу удалось показать, что он подлинная столица, за которой следуют другие города. С тех пор корона уже не смогла бы угрожать парижанам, что перенесет столицу в другой город, например, в Орлеан, как она заявляла в 1321 г., хотя и тогда уже власть блефовала.

Бунты и волнения бывали в столице и прежде, но никогда раньше она не проявляла себя как единое политическое тело, претендующее на соучастие во власти. Показательно, что все главные «игроки» событий 1356–1358 гг. пытались завоевать расположение самых широких слоев жителей города, перед которыми на площадях Парижа выступали и король Карл Наваррский, и Этьен Марсель со товарищи, и даже дофин Карл. Именно эти события превратили Париж в политическую столицу, которая может возглавить страну⁵².

⁵¹ «Vivre en France liberté selon ce que ordonné fu du temps ancien au royaume de France», «avons tousjours esté franc, ne cheons en la servitude, en laquelle nous veulent mettre ces gentilz hommes». Тексты всех трех писем опубликованы в приложении к исследованию: *Avout J. d'Or. cit.* P. 301–310.

⁵² Подробнее см.: *Цатурова С. К.* Парижане в восстании Этьена Марселя. Политическое значение столицы Франции в XIV в. // *Средние века.* М., 2016. Вып. 77 (3–4). С. 67–98; *Она же.* «Париж есть Рим в нашем королевстве». Политические и символические основания статуса столицы Франции // *Электронный научно-образовательный журнал «История».*

Показав в полной мере способность добиваться своих целей, парижане к концу июля 1358 г. согласились пойти на мировую и впустили войска регента Карла, убив предводителей восстания, включая Этьена Марселя. Такой внезапный поворот в настроениях города смущал многих современников, особенно сочувствовавших восставшим. Но ценой жизни нескольких человек Париж добился главного – признания властями своего политического значения.

Накануне этого кардинального разворота парижан в стане сторонников регента Карла гадали, что же делать? И сходились во мнении, что нельзя брать силой Париж, ведь это приведет к гибели множества людей, а власть потеряет доверие народа и легитимность⁵³. По свидетельству хрониста, Карл готовился даже покинуть страну и удалиться в Дофинэ. Есть поразительное по силе письмо регента Карла к своему брату Жану, находившемуся в Лангедоке: он описывает свое безнадежное положение накануне возвращения в Париж и радость, когда ему «Бог вернул сердца подданных»⁵⁴.

Власть покоится на верности и любви подданных – это понимали уже тогда; силой сердца не завоевывают. Как бы ни был Карл обижен или зол на парижан, он, как только въехал в столицу, издал указ о полном прощении города. В этом указе от 10 августа 1358 г. перечислены все обиды и преступления восставших, включая нападение на Рынок в Мо и Жакерию; а само прощение объясняется доказанной горожанами «любовью и верностью», а именно, расправой над руководителями восстания. Указ восстанавливал город в «доброй репутации», а на прокурора короля, всех судей, казначеев, прево и т.д. накладывалась печать «вечного молчания» (*silence perpetuelle*)⁵⁵.

Конечно, никто ничего не забыл, более того, об этом помнили и спустя сто лет. Жан Жувенал дез Юрсен, в 1440-х гг. упрекая Карла VII в небрежении столицей, откуда тот бежал в 1418 г. и где до 1436 г. подчинялись английским правителям, напоминал Карлу VII про мудрость его деда, который не просто всех простил, но и поддерживал

2021. Т. 12. Вып. 9 (107). Территория права, многообразие города и проблемы исторической урбанистики / Отв. ред. П. Ю. Уваров. <http://history.jes.su/s207987840017095-3-1> (Дата обращения 28.02.2024).

⁵³ Если погибнет много народу, то его могут и вовсе изгнать из королевства (*Chronique normande du XIVe siècle*. P. 132).

⁵⁴ Текст письма приводится в издании «Хроник» Фруассара. См.: *Froissart J. Œuvres*. Т. 6. P. 475–479. О готовности Карла в отчаянии покинуть страну сохранилось всего одно свидетельство, но оно весьма правдоподобно. См.: *Lescot R. Chronique (1328–1344), suivie de la continuation de cette chronique (1344–1364 / Éd. J. Lemoine. P., 1896. P. 131.*

⁵⁵ ORF. Т. 4. P. 346–348.

прочный союз со столицей⁵⁶. А что еще ему оставалось делать? Кроме всеобщего прощения, Карл Мудрый щедро вознаграждал за лояльность тех, кто организовал «разворот» Парижа, и даже родню казненных участников восстания, например, выделил вдове Этьена Марселя пенсию в 60 ливров ежегодной ренты с парижских владений⁵⁷.

Отныне власть всегда и во всем считалась с Парижем. Более того, Карл V Мудрый был самым настоящим парижанином: первым из монархов он значительную часть времени проводил в Париже или его окрестностях, не покидая Парижского бассейна надолго⁵⁸.

А вот кто точно проиграл, так это сословно-представительные собрания, точнее – Генеральные штаты. Одной из главных целей реформ было соучастие политического общества в управлении страной через депутатов Штатов. Уже в декабре 1355 г. Штаты добились учреждения суперинтендантов финансов из числа депутатов Штатов, в чьих руках должны были отныне находиться раскладка, сбор и отчисления от налогов, что передавало им существенную власть в стране. В октябре 1356 г. Штаты пошли дальше: они потребовали ввести в состав Королевского совета делегированных Штатами депутатов, поровну от каждого сословия, без участия которых не могли отныне решаться главные вопросы политики⁵⁹. По сути, речь шла об ограничении полномочий монарха и контроле за политикой со стороны общества посредством представительных собраний. Более того, депутаты постановили, что сами будут решать, когда и где им собираться в дальнейшем. Наконец, в феврале 1358 г. на Штатах в Париже было принято решение, что только в столице отныне должны собираться депутаты трех сословий.

Таких широких полномочий представительные собрания не имели ни в одной стране тогдашней Европы. И этот радикализм требований, по единодушному признанию историков, погубил дело; власти сумели расколоть единство депутатов, а затем и сыграть на ревности провинций, собирая Штаты в отдельных областях и добиваясь своих целей путем адресных уступок.

⁵⁶ *Juvénal des Ursins, J. Écrits politiques / Éd. P.S. Lewis. 2 vols. P., 1978, 1975. T. 1. P. 370.*

⁵⁷ *Luce S. Pièces inédites... P. 78–80.*

⁵⁸ *Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne. P. 53.*

⁵⁹ Сведения о количестве депутатов, введенных в состав Королевского совета, разнятся: вроде бы решено было назначить 36 депутатов, по 12 человек от каждого сословия, но на деле их было не больше 28 (12 от духовенства, 6 от рыцарей и 18 от третьего сословия). См.: *Journal des états réunis à Paris au mois d'octobre 1356. P. 440–441.* Но современники с изумлением констатировали, что теперь «три сословия управляют королевством» (*Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393) / Éd. S. Luce. P., 1862. P. 69.*)

В итоге, сам институт Генеральных штатов был надолго дискредитирован. Власти сделали вывод, что нельзя их собирать, находясь в «слабой позиции», и просить их о помощи. Отныне такие собрания власть созывала редко и в заведомо выигрышной позиции, когда была уверена в положительном решении поставленного вопроса, например, в 1369 г., когда было решено возобновить войну с англичанами, или в 1468 г., когда надо было отменить вынужденное обстоятельствами решение об отделении Нормандии от королевского домена. При этом власти продолжали собирать депутатов сословий и советоваться с обществом, но по отдельным провинциям, идя навстречу региональным интересам. Здесь, как и в политике по отношению к знати, победило «разнообразие Франции»⁶⁰.

Но сама идея ограничения произвола монарха через институт представительства народа выстояла и продолжала доминировать в политических представлениях, а на место не собираемых Генеральных штатов стали претендовать другие учреждения, главным образом – Парижский парламент, позиционируя себя как представительство «мистического тела королевства». В этом плане, проигрыш Штатов можно расценить как частичный, поскольку победило главное требование реформаторов – обязанность власти считаться с мнением общества.

Ну и однозначно потерпевшим поражение, разумеется, считается лично Этьен Марсель, хотя историки до конца не понимают, что им двигало и каковы были его планы. Он принадлежал к знатной и богатейшей семье торговцев сукном: так, его дед Пьер Марсель заплатил при сборе налога в 1297 г. больше всех парижан – 48 ливров; в 1313 г. в списках сбора тальи фигурируют два члена семьи Марселей, заплативших больше других парижан, – Жак, внесший 135 ливров, и Пьер, уплативший 127 ливров. Марсели были большим, влиятельным и высокопоставленным кланом, успешно вошедшим в коридоры власти: они были поставщиками двора, получали выгодные заказы, стали приближенными королей, служили и как воины. Входили они и в структуры городского управления, часто избирались эшевенами и заправляли всеми делами в городе. Парадоксальным образом Этьен Марсель на фоне остальных членов семьи выглядел едва ли не неудачником, а

⁶⁰ Об этом новом повороте в политике короны, отражавшим сложное устройство Французского королевства, см. например: *Coville A.* Op. cit. P. 160–161; *Cazelles R.* Étienne Marcel. P. 330–331.

линия его отца, Симона, была наименее успешной и состоятельной. Но выбранный в 1355 г. на должность купеческого прево Парижа – главы городской администрации, он оставил самый заметный след в истории столицы и всей страны.

С ним вынужденно считались не только власти, например, король Иоанн Добрый из плена писал ему благодарственные письма; его внимательно слушали на собраниях Штатов 1355–1358 гг., где он высказывал требования третьего сословия; главное, его уважали и любили парижане. Так, Жан де Венетт писал, что один Этьен Марсель заботился о Париже и государстве, в целом, в наставшие трудные времена, регулярно держа совет с парижанами. И даже Фруассар хвалил Этьена Марселя за возведенные им спешно новые стены укреплений Парижа, посчитав это «лучшим его деянием за всю жизнь»⁶¹. Возможно, он был слишком прямолинейным человеком, не гибким: в момент нападения на него сторонников 31 июля 1358 г. он якобы недоумевал, за что они хотят его убить, ведь он делал всё для их же блага и соблюдал свою клятву исполнять решения депутатов трех сословий⁶². Хотя очевидно, что как символ восстания он был обречен стать жертвой: регент Карл требовал его голову как главное условие возвращения в Париж.

В связи с возведением новых стен укреплений Парижа Этьен Марсель совершил кардинальное преобразование: парижский муниципалитет – Приемная для буржуа (*Parloir aux bourgeois*), изначально располагавшийся на правом берегу, затем переехавший на левый берег, в район нынешнего Люксембургского сада, решением купеческого прево окончательно переселился на правый берег, в центр Гревской площади. Брат Этьена Марселя присмотрел там Дом с колоннами (*Maison aux Piliers*), который в октябре 1356 г. дофин Карл подарил советнику короля и парижскому буржуа Жану д'Осеру, а тот продал его Этьену Марселю 7 июля 1357 г. за 2880 ливров⁶³. С тех пор власти города больше не меняли резиденцию, и сегодня здание парижской мэрии располагается на том же месте, хотя и перестроенное после пожара во время Парижской коммуны. С этой точки зрения, место для памятника Этьену Марселю у здания парижской мэрии, поставленного во времена

⁶¹ "De re publica multum sollicitus pro tunc" (*Chronique de Guillaume de Nangis...* Т. 2. Р. 247); «ce fu li plus grans biens que oncques li prévos des marchans fesist en toute se vie» (*Froissart J. Œuvres*. Т. 6. Р. 53).

⁶² См., в частности, описание этой речи: *Chronique des quatre premiers Valois*. Р. 85.

⁶³ *Delachenal R. Histoire de Charles V*. Т. I. Р. 317; *Cazelles R. Étienne Marcel*. Р. 20–21.

Третьей республики и создания «пантеона национальный героев», выбрано безупречно. Именем Этьена Марселя также названа улица в Париже и станция парижского метро. Не худшая судьба для проигравшего политика.

REFERENCES

- Евдокимова Л. В.* От смысла к форме. Перевод во Франции XIV века: опыт типологии. М., 2011 [Evdokimova L.V. Ot smysla k forme. Perevod vo Frantsii XIV veka: opyt tipologii. Moscow, 2011].
- Перруа Э.* Столетняя война / Пер. с франц. М. Ю. Некрасова. СПб., 2002 [Perrua È. Stoletniaia voïna / Per. s frants. M. IU. Nekrasova. Saint-Petersburg. 2002].
- Тьерри О.* История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899 [T'errî O. Istoriia proiskhozhdeniia i uspekhev tret'ego sosloviia. Moscow, 1899].
- Уваров П. Ю.* Парижский университет и городские восстания (к вопросу об идеологических функциях средневековых университетов) // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 62–86 [Uvarov P. Iu. Parizhskii universitet i gorodskie vosstaniia (k voprosu ob ideologicheskikh funktsiakh srednevekovykh universitetov) // Problemy ideologii i kul'tury v ranneklassovykh formatsiakh. Moscow, 1986. S. 62–86].
- Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989 [Khachaturian N. A. Soslovnaia monarkhiia vo Frantsii XIII–XV vv. Moscow, 1989].
- Цатурова С. К.* «Париж есть Рим в нашем королевстве». Политические и символические основания статуса столицы Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 9 (107). URL: <http://history.jes.su/s207987840017095-3-1> (Дата обращения: 28.02.2024). [Tsaturova S. K. «Parizh est' Rim v nashem korolevstve». Politicheskie i simvolicheskie osnovaniia statusa stolitsy Frantsii // Èlektronnyĭ nauchno-obrazovatel'nyĭ zhurnal «Istoriia». 2021. T. 12. Vyp. 9 (107)].
- Цатурова С. К.* Парижане в восстании Этьена Марселя. Политическое значение столицы Франции в XIV в. // Средние века. М., 2016. Вып. 77 (3–4). С. 67–98 [Tsaturova S. K. Parizhane v vosstanii Èt'ena Marselia. Politicheskoe znachenie stolitsy Frantsii v XIV v. // Srednie veka. Moscow, 2016. Vyp. 77 (3–4). S. 67–98].
- Цатурова С. К.* Парижский университет в восстании Этьена Марселя (не только идеологические функции средневековых университетов) // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича

- Уварова. М., 2016. С. 285–292 [Tsaturova S. K. Parizhskii universitet v vosstanii Èt'ena Marselia (ne tol'ko ideologicheskie funktsii srednevekovykh universitetov) // Universitas historiae. Sbornik statei v chest' Pavla Iur'evicha Uvarova. M., 2016. S. 285–292].
- Цатурова С. К.* Тень императора: роль Карла IV Люксембурга в судьбе короля Франции Карла V Мудрого (факты, контексты, интерпретации) // Средние века. Вып. 82 (4). М., 2021. С. 66–85 [Tsaturova S. K. Ten' imperatora: rol' Karla IV Liuksemburga v sud'be korolia Frantsii Karla V Mudrogo (fakty, konteksty, interpretatsii) // Srednie veka. Vyp. 82 (4). Moscow, 2021. S. 66–85].
- Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012 [Tsaturova S. K. Formirovanie instituta gosudarstvennoï sluzhby vo Frantsii XIII–XV vekov. Moscow, 2012].
- Autrand Fr.* Charles V. Paris, 1994.
- Avout J. d'.* 31 juillet 1358. Le Meurtre d'Étienne Marcel. Paris, 1960.
- Bove B.* 1328–1453: le temps de la Guerre de Cent Ans. Paris, 2020.
- Coville A.* Les premiers Valois et les débuts de la Guerre de Cent Ans, 1328–1422. Paris, 1982.
- Gauvard Cl.* «De grâce especial». Crime, État et société en France au Moyen Âge. Paris, 1991. 2 vol.
- Cazelles R.* Étienne Marcel: champion de l'unité française. Paris, 1984.
- Cazelles R.* Les mouvements révolutionnaires du milieu du XIVe siècle et le cycle de l'action politique // Revue historique. 1962. T. 228. № 86. P. 279–312.
- Cazelles R.* Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. Genève; Paris, 1982.
- Genet J.-Ph.* Saint-Louis: le roi politique // Médiévales. 1998. № 34. P. 25–34.
- Grévin B.* La Première Loi du royaume. L'acte de fixation de la majorité des rois de France (1374). Paris, 2021.
- Jourdain Ch.* L'Université de Paris au temps d'Étienne Marcel // Revue des questions historiques. 1878. T. 24. P. 548–566.
- Krynen J.* Aristotélisme et réforme de l'État en France au XIVe siècle // Das Publikum politischer Theorie im 14. Jahrhundert / Ed. J. Miethke. Oldenburg, 1992. P. 225–236.
- Krynen J.* L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe–XVe siècles. Paris, 1993.
- Krynen J.* Entre la réforme et révolution: Paris, 1356–1358 // Les Révolutions françaises. Les phénomènes révolutionnaires en France du Moyen âge à nos jours / Sous la dir. de Fr. Bluche et St. Rials. Paris, 1989. P. 87–111.

- Krynen J.* «Naturel». Essai sur l'argument de la nature dans la pensée politique française à la fin du Moyen Âge // *Journal des savants*. 1982. № 2. P. 169–190.
- Lacabane L.* Mémoires sur la mort d'Étienne Marcel // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1840. T. 1. P. 79–98.
- Luce S.* Du rôle politique de Jean Maillart en 1358 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1867. T. 18. P. 415–426.
- Luce S.* Histoire de la Jacquerie. Paris, 1894.
- Luce S.* Pièces inédits relatives à Étienne Marcel et à quelques-uns de ses principaux adhérents // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1860. T. 21. P. 73–92.
- Michelet J.* Œuvres complètes. Paris, 1862. T. 3.
- Mollat M., Wolff Ph.* Ongles bleus, Jacques et Ciompi. Les révolutions populaires en Europe aux XIVe et XVe siècles. Paris, 1970.
- Le Paris du Moyen âge / Sous la dir. B. Bove, Cl. Gauvard. Paris, 2018.
- Perrens F.-T.* Étienne Marcel et le gouvernement de la bourgeoisie au quatorzième siècle: 1356–1358. Paris, 1860.
- Picot G.* Histoire des États Généraux considérés au point de vue de leur influence sur le gouvernement de la France de 1355 à 1614. 4 vols. T. 1. Paris, 1872.
- Valois N.* Le gouvernement représentatif en France au XVe siècle. Étude sur le Conseil du roi pendant la captivité de Jean le Bon // *Revue des questions historiques*. 1885. T. 36. P. 63–115.

Цатурова Сусанна Карленовна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела западноевропейского
Средневековья и раннего Нового времени
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: tsatourova@mail.ru

Susanna Tsaturova

Doctor of Sciences in History,
Leading Researcher,
Department of Medieval and
Early Modern Studies
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave.,
119334 Moscow, Russia
e-mail: tsatourova@mail.ru
Researcher ID AAC-6441-2020
ORCHID 0000-0002-6031-8761
Scopus ID 57211015202